

О ПРИНЦИПИАЛЬНОСТИ И «ВКУСОВЩИНЕ»

Ответ гг. Федору Gladкову,
Сергею Малашкину, И. Бэлзе,
Василию Бакшееву,
И. Саркизову-Серазини,
Н. Ханаеву

Уважаемые товарищи! С вниманием и интересом я прочитал в «Литературной газете» подписанное вами письмо. Еще в юности произведения Ф. Gladкова, которые я люблю и теперь, помогали мне познавать мир. С тех же давних пор полюбил я и полотна одного из старейших наших художников В. Бакшеева, крепкого мастера, тонко чувствующего красоту и поэзию русской природы. И хотя Никандр Ханаев, разумеется, и не знает об этом, я один из тех, кто долго и от души аплодирует ему из зала Большого театра в дни его певческих успехов. С остальными товарищами, подписавшими письмо, я лично не знаком, но уверен, что они, так же как и я, любят советское искусство, гордятся им и желают ему добра.

Вот почему так порадовало меня, что призыв улучшить отбор произведений для массового репродуцирования и предложение привлечь лучших мастеров станковой графики, гравюры и эстампа для создания серий, посвященных пейзажам и достопримечательностям советских республик, красоте и величии дел советских людей, прозвучавший в статье «Раздумья на выставке», нашел такую квалифицированную поддержку. Но именно потому, что товарищи так живо поддержали главную мысль статьи, меня особенно удивило, почему осуждение издательства, отпечатавшего большим тиражом весьма, на мой взгляд, неудачные картины двух именитых художников А. Герасимова и А. Лактионова, вызвало в этом письме протест. И очень страстный. До того страстный, что я оказался заподозренным в том, будто, садясь за статью, был озабочен «как бы бестактнее, одним росчерком пера оскорбить художника, очернить его творческий труд». Я был тут же огрет по голове дубинкой с этикеткой «вкусовщина», которую, как мне кажется, к сожалению еще часто пускают в ход в спорах об искусстве взамен веских аргументов и обдуманных доказательств.

Хорошо, я попытаюсь обосновать подробнее, чем именно не понравились мне упомянутые работы А. Герасимова и А. Лактионова. Но тут уж волей-неволей придется расширить тему разговора за пределы обсуждения этих работ.

«Критик может не принять ту или иную вещь или даже творчество того или другого живописца, но это не должно руководить критиком в его оценке художественных произведений», — вот написал я эту фразу из вашего письма и подумал: так ли, не ошибся ли я? Могло ли быть такое невероятное требование в письме, под которым стоят подписи известных деятелей культуры? Почему вы хотите, чтобы критики превратились в молчаливых, которым «не должно сметь свое суждение иметь»? Чем же им руководствоваться в своих конкретных оценках художественных явлений, как не собственным мнением, основанным на их мировоззрении? Ведь так, и только так, как вы знаете, оценивали искусство своего времени Белинский и Стасов, Плеханов и Луначарский. Так же честно, непредвзято, с передовых позиций коммунистического мышления оценивают его и лучшие советские критики-искусствоведы, ну хотя бы Михаил Алпатов.

К чему же вы, товарищи, в своем письме, волею или неволею, призвали критиков? Думать одно, а писать другое? Только так ведь и можно поступать, если воспользоваться вашим советом.

Можно было бы счесть это ваше требование просто опиской, если бы, как мне кажется, на беду нашего искусства группа критиков и искусствоведов, в течение долгих лет окружавшая художника А. Герасимова, не руководствовалась в своих оценках художественных явлений именно этим молчаливым подходом. Она считала долгом безудержно славословить своему принципалу и его друзьям и создавала сплошную линию жестокой обороны вокруг любого, даже самого слабого и неудачного произведения этих товарищей, обрушивала ураганный огонь на всякого критика, который, вроде меня, решался заявить, что ему не нравится конкретное произведение, или тенденция в творчестве, или, скажем, неправильность выступления одного из художников опекаемой ими группы. Против такого человека сразу же обращались испытанные в боях дубинки «групповщина», «вкусовщина» и в качестве орудия дальнего боя — оглобли с устрашающим эпитетом «формалист», которой и угрожали по имени любого инако мыслящего, инако ваяющего или инако мыслящего художника.

На обоснование своей правоты, на доказательство своих оценок, на серьезный идейный и эстетический анализ произведений художники и критики подобно рода времени не тратили. Даже такое святое и незыблемое для каждого деятеля советского искусства понятие, как социалистический реализм, помогающее нашим литераторам, живописцам, скульпторам подниматься в лучших своих произведениях на большую высоту, — даже этот животворный метод был превращен ими в орудие самоутверждения и сокрушения. Искусствоведы этой группы, считая себя монополистами в определении трактовок этого метода, не тратя времени на эстетический и идейный анализ, действовали логикой простейших противопоставлений: вот Александр Герасимов — это, конечно, социалистический реалист, а Сергей Герасимов — это эстет, он не достигает глубины художественной трактовки, в творчестве его есть следы импрессионизма. Вот Налбандян — это социалистический реалист, а Сарьян — нет, что вы, как можно, у его произведений экспрессионистский колорит. Вот Манизер — это социалистический реалист, а Коненков — нет, боже упаси, у него и пропорции в скульптурах надуманные, и анатомии он не знает. Вот портреты Вучетича — это образец социалистического реализма, а портреты Лебедевой — это субъективизм, это интимная трактовка.

Так, руководствуясь в своих идейных и художественных оценках не собственным вкусом и мнением, основанным на понимании марксистской эстетики, а мнением узкой группы художников одной манеры, в угоду ей, некоторые живописцы и критики старались вытолкать за пределы социалистического реализма многих великолепных, глубоких советских мастеров, таких, как Сергей Герасимов, Сарьян, Коненков, Лебедева, как

чудесный, всей мировой художественной общественностью признанный гравер Владимир Фаворский как жизнерадостный и своеобразный певец молодости, красоты советской жизни Дейнека. Пластова, самобытного мастера, полотна которого так и дышат радостью колхозного труда, человека, большую часть жизни проводящего в деревне, среди героев своих картин, эти критики пытались отлучать от социалистического реализма и даже не в одиночку, а хором обвиняли в... незнании колхозной жизни.

И в то же время, может быть, вопреки своему вкусу и убеждениям, расхваливая любую работу А. Герасимова и его друзей, в особенности их фальшиво-парадные, бездумно-лакировочные холсты и скульптуры, они часто клялись именами передвигников. А ведь передвижники были благороднейшими и бескорыстнейшими художниками-демократами, которые кистью, резцом, словом, всей жизнью своей утверждали в искусстве большую реалистическую правду и пуше всего ненавидели любую лакировку, фальшь, ложную красоту, надутую хухульность.

Вот что, думается мне, получалось, когда не вкус критика, определяемый его коммунистическим мировоззрением, не чувство партийности и не осознание задач, стоящих перед нашим искусством, а желание подладиться к вкусу А. Герасимова и его друзей подсказывало оценки иным искусствоведом.

И это вредило, как мне кажется, прежде всего самому А. Герасимову и его друзьям, ибо лишь откровенная, пусть даже горькая, но принципиальная критика создает благоприятную атмосферу для творческого роста художника. А от скольких ошибок и тяжелых разочарований эти художники и скульпторы были бы спасены, если бы слушали и поощряли партийную принципиальную критику, читали бы зрительские отзывы в выставочных тетрадях, а не отмахивались от всего этого заклинаниями: «вкусовщина», «групповщина».

На последней выставке Студии имени Грекова обращал на себя внимание поясный скульптурный портрет известного нашего полководца. В годы войны мне посчастливилось не раз наблюдать этого чудесного советского человека на фронте. Это подлинно народный полководец, мужественный, твердый, сочетающий глубокий ум и личное обаяние с настоящей солдатской храбростью, научное мышление стратега с солдатской простотой. И лицо у него, суровое, но очень живое, выразительное, представляет собой благодарную модель для художника. И вот я стоял около его портрета. Он был довольно схож. Но и толще. Несмотря на внешнее сходство, это был не тот человек, каким его знает и любит народ. Причину нетрудно понять. Грудь полководца неестественно выпячена на этом портрете, сплошь закрыта орденами. Ордена и медали всех видов и размеров тщательнейшим образом вырезаны из мрамора, и каждый камешек, каждый лучик звезды огранен с трудолюбием и старательностью усидчивых амстердамских ювелиров. Но, «углубившись» в ордена и медали, скульптор забыл о человеке. Ордена как бы заслонили этого замечательного полководца, его индивидуальность, они назойливо лезли в глаза.

И самое грустное было для меня в том, что портрет этот принадлежал резцу мастера, которого когда-то я очень любил за мужественный и романтичный памятник генералу Ефремову, за вдохновенную скульптуру Воина-победителя, которой я всякий раз, очутившись в Берлине, хожу полюбоваться. Это было произведение известного советского скульптора Евгения Вучетича. Возле стоял один знакомый мне молодой художник, недавно окончивший институт.

— Нам все время говорили, что Вучетич социалистический реалист. Но если это социалистический реализм, что же тогда позднее барокко? — спросил он.

Увы, он был в какой-то мере прав в этой несколько резкой своей оценке. Я с печалью подумал о полетном движении, совершенном скульптором от мону-мента в Берлине до портретов подобной манеры. Сначала скульптор драпировал изображаемых им советских маршалов, генералов, академиков и даже солдат в этикие осовремененные тоги древнеримских сенаторов времен упадка, повторяя типичный прием ложных классицистов. Это не встретило отпора. Прошло, было окурено филмамом критиков-друзей. И в дело пошла ордена, знаки различия и отличия, фуражки идеального военоторговского типа, отглаженные генеральские брюки, на которых даже лампасы ухитрились вывести. А сам Человек, хороший советский человек, сила и обаяние которого в его социалистическом интеллекте, в мысли, в движении, в романтической динамике образа, — он как-то отступал на второй план и блекнул среди этих декоративных атрибутов. И крайним выражением той же печальной тенденции в творчестве Е. Вучетича кажется мне портрет А. Герасимова, демонстрировавшийся на последней академической выставке. Он представляет собой уже один сплошной, неистовый, ничего общего с жизнью не имеющий, запечатленный в мраморе комплимент. А. Герасимов не остался в долгу. На этой же выставке в другом зале висел портрет Е. Вучетича работы А. Герасимова, отмеченный тем избытком величия и мужества, каким художником определенной школы отменяли портреты предвзятых свитских генералов в далекие времена Александра I.

Вот, товарищи, именно тревогой за творческое будущее художников, писавших в прошлом интересные полотна, и был продиктован тон замечаний о двух, наиболее, на мой взгляд, неудачных, картинах А. Герасимова и А. Лактионо-

ва в статье «Раздумья на выставке». Я вполне допускаю, что товарищам, подписавшим письмо, эти картины могли понравиться. О вкусах, говорят, не спорят. Да и я, признаться, не полез бы в этот спор, если бы не одно существенное, по-моему, обстоятельство. Весной прошлого года в американском журнале «Лайф» я видел репродукцию с картины А. Герасимова, изображающей сцену в женской бане. Признаюсь, полотно это, над которым автор, как мне сказали, усердно и весьма долго трудился, мне не понравилось: тема показалась, мягко выражаясь, странной, а исполнение — слишком уж натуралистическим. Но бог с ними, с американцами, пускай любят, что хотят. Мне и в голову не пришло критиковать эту неизвестную массу советских людей картину. Но то дурное, что в стольких экземплярах репродуцируется для украшения жилищ советских людей и наших общественных зданий, не может быть забронированным от критики. Размножая вместо лучших достижений советского искусства такие картины, мы портим вкусы и искажаем самое представление о нашем искусстве. А об этом нельзя молчать.

Но действительно ли дурны они, эти, как вы говорите, «настенные картинки»? Я вполне согласен с описанием картины А. Герасимова, сделанным вами в письме с протогольной точностью. Но скажите, положи руку на сердце, разве это «птица тройка»? Разве «кони вихрем, спицы в колесях смешались в один гладкий круг»? Разве, смотря на этот лубок, заснутый в увесистую золотую раму, хочется воскликнуть: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая неогонимая тройка несешься?» Не знаю, как вам, а мне — нет. Не убедила меня ни картина, ни ваше описание. За одно я должен глубоко извиниться перед художником. Именно за то, что шинель-накидку, наброшенную на плечи седока, я непростительно назвал шубой. Что же касается снега пушистого, зимы, заиндевелых лошадей, санок, белоснежных пейзажей, которые вы ставите мне в упрек, то ничего этого, товарищи, в статье моей нет. В ней я лишь привел строку романа, невольно вспомнившегося мне при созерцании этой работы А. Герасимова.

Картину А. Лактионова «В новую квартиру», которая вам, в отличие от меня, понравилась, вы не описали в письме. Для доказательства своего мнения придется это сделать мне. Тема превосходная. Никогда еще не шло в нашей стране строительство жилищ для тружеников такими темпами. Наши города буквально на глазах обрастают новыми благоустроенными улицами и даже целыми районами. И вселение каждой семьи в новую квартиру — радостное событие. Смотрю на фотографию «Хорошо в новом доме!», опубликованную в «Правде» 24 февраля, и вижу эту простую, бесхитростную и вместе с тем глубокоую радость новоселов. Картина А. Лактионова по манере исполнения в репродукции от цветной фотографии мало отличается. Но в отличие от упомянутого снимка она фальшива от начала до конца. Ну, скажите, какой подросток, войдя в новую квартиру, первым делом возьмет, как икону, портрет товарища Сталина и станет показывать матери? Какая семья, переезжая в новый дом, потащит с собой старый плакат, какие бы хорошие слова на нем ни были написаны? Именно почти на такие же темы делались карикатуры на наше искусство, которые мне не раз приходилось видеть в самых реакционных иностранных журналах. Вот, скажем, картина того же художника «Письмо с фронта». — она мне нравится, о чем я уже высказывался в печати. Но одно хорошее полотно не реабилитирует другое, плохое.

Нет уж, товарищи, давайте, как говорят итальянские крестьяне, называть хлеб хлебом, а вино вином. Будем серьезно, от души радоваться, даже восторгаться всеми удачами советского искусства и так же от души критиковать, без всякой оглядки на маститость автора, его неудачи и тем самым помогать ему.

По роду своей профессии я много разъезжаю по белу свету. Везде, где я бываю, стараюсь обязательно попасть на выставку современного искусства, не боясь, что ко мне пристанет какой-нибудь ужасный «изм». Многим ярким удачам доводилось мне радоваться на выставках художников народно-демократических стран. Есть и в западном мире мужественные, талантливые мастера, умеющие, вопреки всему, говорить своему народу правду жизни. Но, честно скажу, нигде еще не доводилось мне видеть столько современных, талантливых, самобытных, многообразных мастеров, как у нас. Нигде я еще не встречал такого чистого, боевого, проникнутого оптимизмом и радостью жизни, овеянного ветрами борьбы искусства, национального по форме и социалистического по существу, какое выросло у нас за сорок лет советской власти. Беда же наша была, как мне кажется, в том, что многие критики в течение долгих лет водили хороводы на одном месте, все вокруг одной и той же количественно-нобольшей и по художественным достижениям, как мне кажется, не самой лучшей группы художников, а искусство многих мастеров оставалось не раскрытым по-настоящему, не описанным, а иногда даже не выставленным и просто неизвестным. Этим мы обкрадывали самих себя. И это очень печально.

Что же еще добавить? Да разве, что за последние недели после выхода статьи «Раздумья на выставке» разные люди, — ученые, певцы, скульпторы, артисты, писатели, два художника, одни с удивлением, другие с юмором, третьи с досадой рассказывали, что к ним приходил А. Герасимов или кто-то из его друзей и просили подписать уже готовое письмо. Подписей этих товарищей под письмом, разумеется, нет...

Я извиняюсь перед теми, кому доставили столько хлопот мои «Раздумья на выставке». В заключение позвольте мне пожелать А. Герасимову, А. Лактионову, Е. Вучетичу и другим, кого я коснулся в этом ответе, новых и настоящих успехов в полную меру их таланта и художественного темперамента, которые они показали в прошлом в лучших своих работах.

Борис ПОЛЕВОЙ